

ХРАНИТЕЛИ

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

ОЩУЩЕНИЕ ПОЭТА

Коснусь вопроса, который волновал меня многие годы. До сих пор масса неясностей в гибели Николая Гумилева.

Фактически не известно, когда и где чекисты привели приговор в исполнение.

Сегодня историки считают, что это произошло в ночь с 25 на 26 августа 1921 года. Но дата условна — могли на ночь раньше, на ночь позже.

В «таганцевском деле», по которому арестовали Гумилева, 253 тома. Из них до сегодня 250 засекречены. Историкам показали только три тома.

Многие убеждены, что все дело — плод выдумки чекистов. После Кронштадтского мятежа надо было запугать питерскую интеллигенцию. Есть историки, которые считают, что боевая организация существовала, но в куда меньшем объеме. А расстреляно было 96 человек.

И вокруг легенды-легенды...

Какой-то неизвестный чекист рассказал, как достойно держал себя Гумилев на расстреле. Еще один неизвестный чекист то ли выучил наизусть, то ли списал со стены камеры последнее стихотворение Гумилева и передал его друзьям. Не чекисты, а филологи, прости Господи...

Это стихотворение я впервые прочитал в шестидесятых годах. Конечно, не в книге, а в самиздате, среди других стихов Гумилева.

Хорошие стихи. Не знаю до сих пор, кто их автор, они очень гумилевские, но по стилистике ближе к его ранним — к «Капитанам», «Озеру Чад». В двадцатые годы Гумилев старался избегать «красиво-стей». Вот это стихотворение.

В час вечерний, в час заката

Каравеллою крылатой

Проплывает Петроград...

И горит на рдяном диске

Ангел твой на обелиске

Словно солнца младший брат.

Я не трушу, я спокоен,

Я — поэт, моряк и воин

Не поддамся палачу.

Пусть клеймит клеймом позорным,

Знаю, сгустком крови черным

За свободу я плачу.

Но за стих и за отвагу,

За сонеты и за шпагу —

Знаю — город гордый мой

В час вечерний, в час заката

Каравеллою крылатой

Отвезет меня домой.

Еще раз повторю: хорошие стихи. Даже если их не написал Гумилев. Столько лет эти стихи читают, как завещание поэта, и это говорит о народной любви к жертвам террора.

А надпись на стене общей камеры 77 в ДПЗ на Шпалерной Николай Степанович действительно оставил. Это стало известно сравнительно недавно от одного сокамерника, оставшегося в живых — Георгия Андреевича Стратановского, шедшего по тому же «Таганцевскому делу». Короткая, простая, внятная надпись: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь. Н. Гумилев».

А для тех, кто хотел бы представить, как в стихах поэт ощущал неизбежное, посоветую прочесть его стихотворение «Мои читатели», написанное в том же кровавом 1921 году. Вот последние строки из него.

А когда придет их последний час

Ровный красный туман застелет взоры,

Я научу их сразу припомнить

Всю жестокою милую жизнь,

Всю родную, странную землю

И, представ перед ликом Бога,

С простыми и мудрыми словами,

Ждать спокойно Его суда.

Кстати, все три читателя, о которых говорит Гумилев в первой части этого стихотворения, люди реальные. Это эсер Яков Блюмкин, расстрелян чекистами в 1929, крикнувший перед смертью палачам: «Да здравствует Троцкий!» Это начальник оперативного штаба Черноморской эскадры, а заодно и писатель, и джазист Сергей Колбасев, расстрелянный в 1937 году. И русский офицер, живший возле Аддис-Абебы, по прозвищу «белый эфиоп» Евгений Сенигов. В Африке его рука чекистов не достала. Вернулся из Эфиопии в Москву, где и был арестован в 1923 году. Дальнейшая судьба неизвестна. Так сложились судьбы героев этого стихотворения.

Давайте в день памяти Николая Гумилева прочитаем его подлинные последние стихи. Хрестоматийное «Слово», пророческое «Мои читатели» и таинственное и прекрасное «Заблудившийся трамвай».

Феликс КОХРИХ

ВАЛЕНТИН ХРУЦ:
ЗВЕЗДА И ПОТОМКИ

Авив Хруц — полуторагодовалый мальчуган.

На снимке Авив (на иврите означает «весенний») сидит на коленях папы, Дмитрия Хруца. Рядом со мной — его мама Алена, а сестра Дарья фотографирует нас, стараясь, чтобы в объектив айфона попали хотя бы две из трех работ ее деда, висящие на стене нашей квартиры...

Если бы Валик Хруц услышал, как я его только что назвал... Да и Вику, его жену, бабушкой себе не представляю. Поэт (не поэтесса) и художник вспоминаются молодыми, тем более что уехали из Одессы давно. Дима, которого я помню пацанчиком, унаследовал от отца главное — уважение к материалу и инструментам, и это, вероятно, и определило выбор профессии — в искусстве и ремесле. Он — мастер мозаичных композиций, работает с древнейшим материалом в древнейшей стране: в Израиле мозаики украшают античные раритеты археологических раскопов, храмы разных конфессий, современные здания и парки. В последнее время Дмитрий Хруц все больше создает объекты, в которых сочетаются стекло, мозаика, камни. Он выходит за границы жанра, и это все интереснее. Вика и Дима уехали

в Израиль в 1992 году. Там он встретился с Аленой, они вместе — с семнадцатью лет. Удивительно: учились в одной одесской школе — и не были знакомы. Алена работает операционной сестрой в отделении реанимации. И это при трех детях! А еще она — продвинутая йоги, и под ее руководством Дима выполняет замысловатые асаны.

Дима по военной профессии — спасатель-пожарник, он прошел несколько войн. Когда родилась первая дочь, он был на фронте. Сейчас ей двадцать, и она — младший лейтенант Армии обороны Израиля; пятнадцатилетняя Дарья — школьница, и славный Авив, с которого мы начали знакомство с Хруцниками — это потомки Хруца. 2 сентября они пришли на церемонию открытия Звезды Валентина Хруца на аллее, где увековечена память о выдающихся одесситах. Знаменательно, что эта аллея на Ланжероновской скоро подойдет к зданию Оперного театра, на заборе возле которого много лет назад Сычик (Слава Сычев) и Хручик повесили свои работы, и тем самым открыли чуть ли не первую в СССР несанкционированную выставку, которая вошла в историю Нового искусства Одессы.

Об этом Авиву еще предстоит узнать.

ЖИЗНЬ ИЗМЕРЯЕТСЯ ЛЮБОВЬЮ

От редакции: Учителем с большой буквы была Берта Ефимовна Гаузнер. Много лет она работала в знаменитой не только в Одессе специализированной физико-математической школе номер 116. 17 лет заведовала кафедрой естественно-математических наук в гимназии номер 2. За 50 лет работы в школе Б. Е. Гаузнер воспитала тысячи учеников. Более 60 ее выпускников стали докторами и кандидатами наук, многие выбрали, по ее примеру, профессию учителя математики, пишут и издают свои книги и учебники.

ЕЁ ГЛАЗА, ЕЁ ЦВЕТЫ

Берта любила жизнь и умела радовать себя ей. Это выражали, прежде всего, её глаза. Я видел их в течение всей нашей пятидесятилетней совместной жизни: распахнутыми от радостного удивления, когда на перевале у Чатыр-Дага мы неожиданно вышли к полянке, сплошь усеянной мелкими фиалками. У догорающего вечернего костра, когда она задумчиво смотрела на перебегающие по углям огоньки. На лодке, медленно скользившей среди белых лилий и кувшинок по протокам и озёрам Игналыны; ранним утром, когда после очередной ночёвки на опушке леса она откидывала полог палатки и обнаруживала на траве

капельки росы. Об этом можно вспоминать бесконечно.

Её глаза — первое, что я видел, выходя из наркоза на больничных койках после нескольких операций в разные годы. Вспоминаю её глаза, когда она смотрела на первые шаги нашей дочери, потом внука, а в последнем году жизни — правнука.

Её глаза искрились радостью и доброжелательностью. Они были лукавыми, когда преподносился придуманный ею сюрприз; внимательными, озабоченными, сострадательными при обсуждении серьёзных проблем, когда она искала — и находила — возможность помочь разным людям и советом, и делом. Она никогда

не отводила глаз, если бывала недовольна собеседником, и всегда прямо ему об этом говорила. Тогда она преображалась и становилась опять другой, оставаясь при этом всегда самой собой — нашей Бертой. Моей Бертой...

Много лет Берта и я проводили лето на старой одесской даче у самых близких наших друзей, Риммы и Юры. Значительная часть их небольшого участка была постоянно затенена кроной огромного ореха, и из-за этого там практически ничего не росло.

Однажды, когда мы шли к морю, Берта обратила внимание на кустарник, усыпанный нежными розово-сиреневыми цветами, и спросила Юру, нельзя ли посадить такую красоту на даче. Наш друг ответил: «Это гибискус. Посадить можно, но под орехом он вряд ли зацветёт». Юра нашёл и посадил саженец. Растение прижилось, окрепло, но цветы ни на одной его веточке так и не появились. Ничего не поделаешь, сказали мы, орех подавляет. Так прошло несколько лет.

...Первое, что ежегодно утром 17 августа, в день своего рождения, Берта видела

рядом с кроватью, была вазочка с красивой розой. Эта традиция не нарушалась мною ни разу за все наши общие пятьдесят лет.

Но наступил день, когда впервые я не крался ранним утром на цыпочках из дому за розой, чтобы не разбудить Берту — уже почти год некого было будить...

А на даче, на одной из веток гибискуса, появился замечательный цветок. Произошло это впервые за все годы жизни растения, и именно утром 17 августа! Римма сказала: «Это Берточка дала нам знать, что свою розу в этот день она, как обычно, получила. Она с нами!». Затем в течение недели раскрывались, друг за другом, еще бутоны.

А 24 августа, в годовщину смерти Берты, последний цветок завял. Что это? Просто совпадение? Самое поразительное, что это буквально так же повторялось и несколько последующих лет. Мистика? Не знаю...

Эти цветы в моей памяти немного потускнели, но глаза Берты часто вижу, как наяву.

Михаил Гаузнер